

— Вот это вещь! — Ян Ли восхищённо взвесил на ладони угощение.

В те времена вяленое мясо ценилось на вес золота, а Дин Тянь отвалил другу щедрую порцию — пару увесистых ломтей размером с ладонь. На такую заготовку ушло никак не меньше пяти цзиней отборной свинины. Ломти были щедро обсыпаны кунжутом, кумином и жгучим красным перцем.

— Раз вещь хорошая, так спрячь надёжнее, — усмехнулся Дин Тянь и вытащил из свёртка ещё один кусок. — А этот передай Лю Сэню. Найди минуту и шепни ему, пусть заглянет ко мне при случае.

— Договорились, сделаю, — Ян Ли споро убрал мясо за пояс. — Кстати, повара на кухне как раз приготовили ту свинину, что ты принёс. Парни зовут тебя за стол, хотят угостить на славу.

Вообще-то, его и раньше зазывали к общему столу — всё-таки при тюрьме Дин Тянь нёс службу в полном одиночестве. Вот только он раз за разом вежливо отказывался.

Во-первых, ему претила казённая стряпня. И дело было даже не во вкусе, а в чистоплотности местных поваров, от одного вида которых Дин Тянь бросало в дрожь.

Во-вторых, вмешивалась тонкая финансовая политика. Управа выделяла средства на содержание тюрьмы, но в этой смете не значилось ни жалованья повару, ни продуктов для стражи. Бухгалтер Сюй и Дин Тянь прекрасно знали об этом молчаливом уговоре и дружно разыгрывали дурака. Явись Дин Тянь на общую кухню — и по уезду поползли бы ненужные слухи. Бухгалтер Сюй первым делом занервничал бы, решив, что главный тюремщик пришёл заявлять права на свою долю. Поэтому Дин Тянь предпочитал держаться от судейского котла подальше.

Но сегодня случай представился особый. Он шёл просто полакомиться мясом по приглашению товарищей ради укрепления дружеских связей. Против дружеского застолья бухгалтер Сюй ничего возразить не мог бы и никаких скрытых мотивов искать бы не стал.

Кухня уездной управы заправляла готовкой в огромных чанах, а сама столовая располагалась в просторной пристройке перед внутренним двором. Вдоль стен там тянулись длинные деревянные столы с такими же нескончаемыми скамьями. У каждого служки управы была своя личная миска. Тарелок здесь отродясь не держали — да и зачем они, если изысканных блюд никто не подавал? В лучшем случае едок брал три глубоких чашки: одну под рис или пампушки, другую под похлёбку с овощами, а третью — под бульон или острые соленья.

Сегодня же пир стоял горой. Каждому полагалась щедрая порция свинины хуншао в густом соусе и глубокая миска наваристого рагу из свежатины с квашеной капустой, сахарными косточками и домашней кровяной колбасой. К этому великолепию выдавали по две пышные паровые булочки-маньтоу. Хлеб можно было брать без ограничений, а вот мясные яства строго делились поровну.

Народу набежало больше двадцати человек. Принесённого мяса вполне хватило бы на два сытных обеда, но Дин Тянь накануне возьми да и закажи свинину хуншао. Против чистого, тающего во рту мяса устоять никто не смог, а ведь за столом собрались крепкие молодые парни с волчьим аппетитом! В итоге всю стряпню смели подчистую за один присест.

Правда, кое-кто из служек управы потом долго ворчал и сомневался: неужели полтуши кабанчика можно сожрать за раз? Бедные повара от таких подозрений едва не плакали от обиды и громко божились, что чисты перед товарищами. К счастью, на следующее утро заговорщиков примирили огромные сочные баоцзы с мясной начинкой — только тогда ворчуны сменили гнев на милость. Разумеется, кухонные рабочие всё же утаили малую толику: умыкнули пару-тройку цзиней вырезки и несколько хороших костей на домашний бульон. Но наглотаться они не смели. С шутками вокруг еды, принесённой лично главным тюремщиком, шутить было опасно.

К концу апреля весенняя страда завершилась, и уезд начал готовиться к празднику Дуанью. Господин Ду торопился официально передать дела преемнику до начала торжеств. В чиновничьем мире на этот счёт существовали свои тонкости.

Праздничные дни открывали прекрасную возможность для визитов вежливости и подношения даров. Под этим благовидным предлогом новоиспечённые коллеги могли познакомиться, прощупать почву и составить друг о друге первое мнение. И новый уездный судья, и шедший на повышение префект Ду — оба послушно следовали этим негласным правилам чиновничьего сословия.

И надо же было такому случиться: стоило лишь завершить работы в поле, как у ворот управы появились неожиданные гости.

Стоял знойный, размаривающий полдень. Служки управы на посту откровенно клевали носом, когда к воротам управы гуськом подкатили несколько крытых повозок. Из первой соскочил юный служка и, вздёрнув нос, высокомерно бросил служкам управы:

— Наш барин прибыл принять дела управы!

— Ваш барин? — восторженно служка управы, мгновенно стряхивая дремоту. — Неужто новый уездный судья пожаловал?

Служка управы так и подпрыгнул. Один из братьев сразу побежал с докладом к господину Ду. В управе уже все знали о счастливом назначении прежнего начальника — теперь его ждал престижный пост префекта. Но то, что замена явится так скоро и без предупреждения, застало всех врасплох. В управе поднялась суматоха, писаря в панике принялись прибирать столы... Впрочем, паника оказалась преждевременной.

На воротах в тот день дежурили братья Чжан Цайлян и Чжан Вэньлян — парочка простодушных и не слишком опытных новобранцев.

— Да нет же! — служка мгновенно растерял прежнюю спесь и недовольно буркнул: — Наш господин прибыл занять должность... личного советника!

— И наш господин тоже! — подал голос другой слуга, высунувшись из соседней повозки. Этот парень оказался куда вежливее и сразу изложил суть дела: — Наш барин прибыл вместе со свитой уездного судьи Чжан Чжэня, чьё второе имя — Цзицай. Он назначен советником по налогам и продовольствию. Наш господин носит фамилию Цянь, так что величайте его просто личным советником Цянем.

На самом деле господина звали Цянь Лян. Новоиспечённый префект Ду утвердил его на этой должности во многом из-за говорящей фамилии — ведь иероглиф «Цянь» означал «деньги». Весьма символичное совпадение для чиновника, отвечающего за сбор налогов и уездную казну!

<http://bllate.org/book/19387/1997443>